

Кустурица зажигает

СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ

АНТОН ДОЛИН

Предсказуемый успех новой картины Эмира Кустурицы «Жизнь — это чудо» на Каннском фестивале доказывает, что любая, даже каннская, публика стремится к традиционным ценностям и традиционному искусству. Или, по меньшей мере, к тому, что успело войти в традицию за последние пятнадцать лет.

Инженер Лука (Славко Стимач — слева) и военнопленная Сабаха (Наташа Шолак) по замыслу Эмира Кустурицы становятся балканскими Ромео и Джульеттой

Послужной фестиваль список самого знаменитого балканского режиссера Эмира Кустурицы не может не впечатлить. Еще не достигнув пятидесяти лет и не сняв десятка картин («Жизнь — это чудо» — восьмой его фильм, и седьмой игровой), он имеет в багаже две каннские «Золотые пальмовые ветви» (всего таких счастливых в мире четверо), а также каннский приз за режиссуру, венецианского «Золотого льва» за дебют, «Серебряного льва», берлинского «Серебряного медведя» и, вдобавок, приз за лучший документальный фильм на фестивале в Чикаго. Ни один фильм Кустурицы не остался ненагражденным. Короче говоря, более удачливого кинорежиссера в мире нет. Именно поэтому новая работа мастера, под характерным для него обманчиво-оптимистичным названием «Жизнь — это чудо», несколько озадачивает. Назвать этот фильм слабым или недостойным не повернется язык. До того профессионального совершенства, которого достиг сегодня Кустурица, далеко любому из снимающих в наши дни. Да что там, тут и самому Феллини, вдохновлявшему Кустурицу на ранние картины, было бы чему поучиться. Упомяну-

тельные массовые сцены, в которых продумано все до малейшей детали, — и все равно создается финальное впечатление творческой спонтанности: эпизод игры в «футбол без правил» в непроглядном тумане не восхитит разве что слепца, а массовых сцен такого уровня в фильме с десяток. Эксцентрический балканский юмор, вполне простонародный и, однако, не лишенный тонкости, снижает пошловатый пафос любой чрезмерно серьезной сцены. Невероятно уместное использование каждого звука музыки — распевавшись с Гораном Бреговичем, Кустурица уже во втором фильме не без успеха эксплуатирует группу The No Smoking Orchestra, в которой сам играет на бас-гитаре (между прочим, барабанщик ансамбля, сын режиссера Стрибор Кустурица, удачно дебютировал в фильме как актер). Актеры выше всяких похвал — как заслуженные

мастера, Весна Тривалич и Славко Стимач (он же играл и в первой картине Кустурицы, и в «Андеграунде»), так и молодежь. Наконец, нельзя не сказать о природе: неживой, снятой во все четыре времена года, и живой, представленной лошадьми, кошками, собаками и даже осликами. Каким образом Кустурице удалось их всех выдрессировать, знают только небеса, но определенно Юрию Куклачеву и его соратникам, если они увидят этот фильм, останется лишь горько разрыдаться от зависти. И тем не менее все вышеперечисленное — лишь одна сторона медали. Кустурица привычно избыточен: фильм длится два с половиной часа. Кажется, что каждая сцена длиннее, чем надо, а любая эмоция, как бы блистательно ее ни играли, выглядит на экране преувеличенной. Именно поэтому

зритель вскоре отрешается от эмоционального фона (сопереживать героям такого масштаба нелегко) и начинает анализировать увиденное. А логики магический реализм не выдерживает по определению. Безусловно, это не слабость Кустурицы, а сознательная позиция: «кинематограф должен быть шире, а не уже реальной жизни». Боснийцы, которые строят железную дорогу, призванную разрушить границы; вышагивающий по снегу духовой оркестр; телефонный секс в военных окопах; даже летящая над лугами и лесами кровать с двумя возлюбленными в ней и финальное воскрешение мертвых — все это уже было, причем именно у Кустурицы. Нельзя сказать, что режиссер полностью преуспел в решении нелегкой задачи а-ля Лев Толстой — столкнуть вселенные Войны и Мира, противопоставить спонтанно родившуюся любовь нелепому кровавому гинюлю. Роскошно-усложненные сценарные структуры и внушающие почтение декорации — все служит визуализации одной, совсем не новой, метафоры: дескать, жизнь есть рельсы, а человек катится по ним, как вагон, влекомый неведомым локомотивом. Свет в конце тоннеля, соответственно, загорается в обязательном порядке, а единственной силой, способной задержать бездушную машину, оказывается любовь (выраженная в образе ослицы, перегоревшей рельсы). Конечно, не пригласить режиссера подобного уровня на главный кинофестиваль мира было бы непростительной ошибкой, но похоже, что именно за этот — виртуозный и стопроцентно авторский — фильм Кустурица может ничего не получить. Для него, любимца богов, это будет настоящим провалом. И произойдет этот провал или нет, в следующий раз следует быть умнее и потребовать, чтобы фильм поставили в почетную внеконкурсную программу. Будут сыты и целы волки, овцы, черные кошки и белые коты.

Кустурица
11.05.04

18.05.04